

МОРОЗКИНА Татьяна Владимировна – к. филол. н., доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (432700, Россия, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4; tatyana_morozkin@mail.ru)

СООТНОШЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В данной статье предпринята попытка исследования наиболее актуальной проблемы в аспекте межкультурной коммуникации – коммуникативного взаимодействия представителей разных культур и языков, в частности носителей китайской и российской культуры. В статье описаны отличительные коммуникативные характеристики представителя китайского языка и культуры в соотношении с русским коммуникативным партнером. На материале сопоставления пословиц и поговорок двух разнотипных языков рассматриваются условия успешного межкультурного взаимодействия китайской и русской языковой личности.

Ключевые слова: модель языковой личности, лингвокультурная адаптация, рефлексивно-дискурсивное измерение, коммуникативно-прагматическое пространство, рефлектирующий субъект, матрица коммуникативного поведения, межкультурный альянс

Расширение и укрепление международных связей между Россией и КНР, активизация совместных экономических, деловых, культурных, научных проектов выводит международное сотрудничество значимых государств-партнеров на качественно новый уровень. Успешное взаимодействие двух стран с высоким духовно-нравственным потенциалом, самобытной культурой и языковой системой предполагает лингвокультурную совместимость коммуникантов. Основой успешного сотрудничества представителей разных культур является общение, или межкультурная коммуникация. Согласно мнению профессора МГУ С. Г. Тер-Минасовой, слова связывают людей, объединяют их через общение [Тер-Минасова 2008: 11].

Отталкиваясь от принципа коммуникации деятельностного подхода, межкультурная коммуникация представляет собой общение языковых личностей – представителей разных культурных общностей. В этом плане особое значение приобретает контрастивное изучение национальных особенностей общения разных народов [Стернин 2002: 5].

В определении статуса языка в теории коммуникации несколько десятилетий назад американский исследователь С. Поттер утверждал, что язык – это важная составляющая поведения индивида, управляющая традициями и культурой [Potter 1966: 175]. С последующим распространением психологического направления в лингвистике и определением психолингвистики спектр исследований перемещается в плоскость речемыслительных процессов. По мнению Д. Слобин и Дж. Грина, в изучении вопросов коммуникативной деятельности на тот момент развития психолингвистики приоритетными являлись глубинные знания и способности, которыми должны обладать люди, чтобы овладеть языком в детстве и затем пользоваться им [Слобин, Грин 1976: 21].

Исследования языковой личности в условиях стремительно развивающейся новой научной парадигмы, интеграции лингвистики с психологией, нейрофизиологией, культурологией открыли новые перспективы изучения субъекта речи как носителя языка и культуры. С позиции когнитивно-прагматического подхода изучения речемыслительной деятельности индивида в ситуации межличностного общения объектом исследования становится не языковая система, а носитель языка – языковая личность, что способствует решению целого ряда задач о способах изучения языка, о ресурсах когнитивной базы индивида, лингвокультурной адаптации коммуниканта в ситуации межкультурного взаимодействия.

В современной науке принято считать, что понятие языковой личности принадлежит лингвистике, а не психологии. Однако научный подход в изучении языко-

вой личности в коммуникативно-прагматическом аспекте заложен в толковании феномена личности А.А. Леонтьева из перспективы психолингвистики. Согласно научным представлениям А.А. Леонтьева, личность представляет собой определенную иерархическую структуру человеческих отношений, общественных по своей природе [Леонтьев 1997: 187].

Впоследствии автор модели языковой личности Г.И. Богин, основатель тверской школы герменевтики, одним из первых применил понятие языковой личности в лингвистике, рассматривая языковую личность емко, подчеркивая при этом ее функциональные особенности. По мысли Г.И. Богина, языковая личность – это субъект, присваивающий язык. Языковая личность характеризуется не только тем, что она знает о языке, а тем, что она может делать с языком [Богин 1986: 3-4].

В ракурсе коммуникативно-прагматических исследований Ф.И. Шарков дополняет ресурс языковой личности такими когнитивными и функциональными параметрами, как коммуникабельность, харизма, переходя к понятию коммуникативной личности [Шарков 2002: 9].

В определении языковой личности ряда исследователей в аспекте межкультурной коммуникации доминантным признаком является многослойность, свидетельствующая о широте горизонта исследования. На наш взгляд, при таком подходе в объектив исследования попадают несколько видов компетенций: коммуникативная, межкультурная, герменевтическая. Развивая идею антропоцентричности языка, В.А. Маслова трактует лингвокультурную языковую личность как многослойную и многокомпонентную парадигму языковых личностей, закреплённый в языке базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий временную и инвариантную часть структуры личности [Маслова 2001: 121].

Разделяя научные воззрения В.А. Масловой, О.Л. Леонтович рассматривает каждую конкретную языковую личность в качестве многослойной структуры, объединяющей в себе черты больших и малых языковых сообществ плюс свои собственные черты, накладывающие отпечаток на характер коммуникации [Леонтович 2007: 102].

На основании сказанного под языковой личностью в межкультурной коммуникации следует понимать индивида, речевая деятельность которого осуществляется в двух режимах коммуникации: в форме внутреннего диалога/монолога на основе национально-культурных представлений, наличия речевого опыта, а затем во внешней коммуникации с учетом лингвокультурных особенностей субъекта речи и речевого партнера, а также экстралингвистических условий ситуации коммуникативного взаимодействия. В этих сложных когнитивных процессах восприятия, отражения, формирования представления, понимания, перевода смысла высказывания во внешнюю коммуникацию исключительную функцию выполняет «Я» личности, или рефлектирующий субъект (*RS*). В теории бессознательного З. Фрейда это «Я» связано с сознанием, господствует над побуждениями к движению во внешний мир. Это та душевная инстанция, которая контролирует все частные процессы, из этого «Я» исходит также вытеснение, благодаря которому известные душевные побуждения подлежат исключению не только из сознания, но также из других областей влияния и действий [Фрейд 1990: 427].

Следовательно, «Я» – это проявление сознания субъекта речи, выполняющее контролирующую функцию. Сознание обращено на самого себя – *RSI*, с другой стороны, суб-«Я», или *RSIa*, управляет «Я» реальным, *RSI*. Механизм взаимодействия «Я» реального и суб-«Я» осуществляется во внутренней коммуникации (рефлексивно-дискурсивно измерении) в форме внутреннего диалога или монолога. Графически это можно изобразить на схеме, представленной на рис. 1.

Изучая речемыслительную деятельность индивида в формате межкультурного общения в системе отношений «субъект-субъект», мы определили следующие личностно-индивидуальные коммуникативные параметры субъекта речи: темперамент, степень коммуникативной доступности (интраверт/экстраверт), интуицию, речевой опыт, коммуникативную гибкость, лингвокультурный ресурс.

Из данного определения становится очевидным, что механизм речемыслитель-

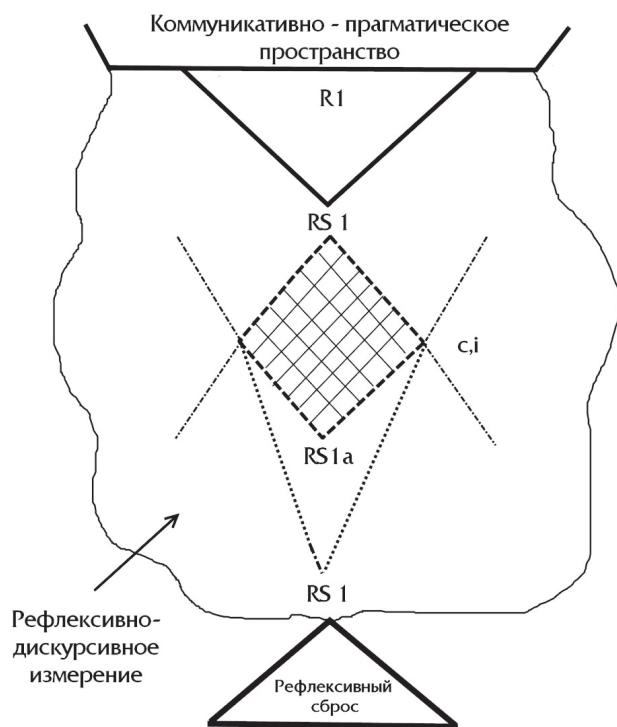

Рисунок 1.
Речемыслительная деятельность в пределах коммуникативно-прагматического пространства и рефлексивно-дискурсивного измерения [Морозкина 2005: 211].

ной деятельности языковой личности как представителя русской культуры соотносим с таковым носителя китайской культуры и языка, обладающего спецификой китайского типа мышления «сы». Примечательно, что в трактовке древнекитайских мыслителей разум тождественен сердцу, что указывает на единство рационального и духовного. Подобное тождество прослеживается и в русской культуре и указывает на сходство этнокультурных сущностей. Это явление находит отражение в пословицах и поговорках в обоих языках. Обратимся к конкретным примерам: «Сердце подсказало», «Сердцем чувствует» (в русской культуре); «Счастье умудряет сердце» (в китайской культуре).

При этом следует отметить, что семантика поведения китайцев и русских основана на их менталитете и установках и имеет философские корни, характерные для каждой культуры.

Возвращаясь к истории, можно с высокой степенью уверенности сказать, что становление российской языковой личности во многом предопределено христианством, в более позднем периоде — идеями славянофильства, с другой стороны, межнациональные контакты на различных уровнях с представителями западной культуры не могли не отразиться на формировании национально-культурного ядра российской языковой личности. Таким образом, сущность российской языковой личности обусловлена, прежде всего, геополитическим фактором, что во многом определило содержание лингвокультурного компонента.

Напротив, в Древнем Китае иные нравственно-духовные ценности были положены в основу китайской языковой личности. Несмотря на то что в Китае не было учения об отдельно взятой языковой личности как такового, поскольку индивид изначально включен в социальную пирамиду, в отличие от западной философии, русской философской мысли, национально-духовная доктрина представителя китайского языка и культуры, задающая вектор коммуникативного поведения, обусловлена, с одной стороны, философской идеей о социальной гармонии конфуцианства, с другой — взятой из даосизма идеей о внутренней неразрывной вза-

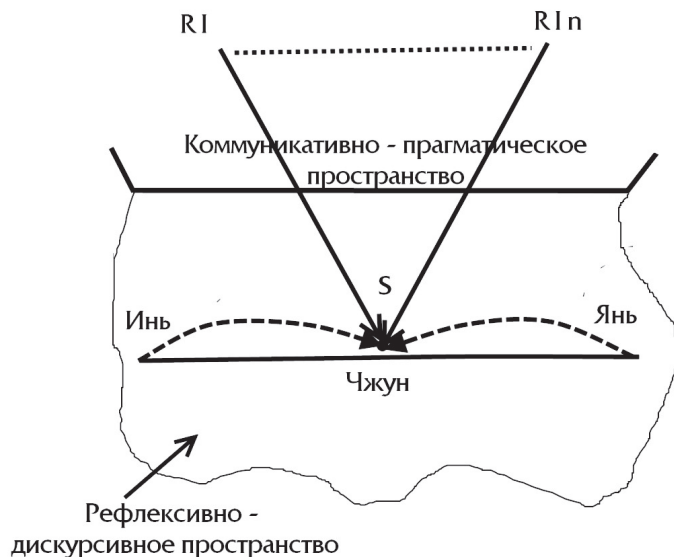

Рисунок 2.
Речемыслительная деятельность индивида в китайском межличностном дискурсе

R1 - рефлексивный импульс

S - субъект речи

Инь - податливый, неосознанный, ориентирован на восприятие чужого.

Янь - активный, динамичный, осознанный, ориентирован на восприятие своего.

Чжун - "срединное состояние"

имосвязи человека и природы, а также методами психической саморегуляции и управления нервно-психическим состоянием, взятыми из буддизма. Опора на конфуцианские и даосистские национально-культурные принципы является матрицей коммуникативного поведения китайской языковой личности. Согласно схеме, приведенной на рис. 2, речемыслительная деятельность китайской языковой личности во внешнем плане коммуникации, в так называемом рефлексивно-дискурсивном измерении, осуществляется в срединной точке *Чжун*, обеспечивающей равновесие *Янь* и *Инь*. Обращаясь к изречениям Конфуция, отметим, что середина – есть точка, ближайшая к мудрости [Таранов 1996: 61].

Механизм речемыслительной деятельности представителя китайского языка и культуры графически можно отобразить схемой, приведенной на рис. 2.

Освещая обозначенную проблематику из перспективы психологии, имеет смысл рассмотреть речемыслительную деятельность китайцев сквозь призму транзакционного анализа Э. Берна с целью изучения рефлексии индивида и ее влияния на коммуникативное поведение. По Э. Берну, различные состояния *эго* (в данном наблюдении – рефлектирующего субъекта) в транзакциях «родители – ребенок», «взрослый – ребенок» запрограммированы в результате раннего опыта ребенка, и впоследствии из увиденного и услышанного создается прогноз и свой «жизненный план» [Берн 2003: 276]. Иначе говоря, так называемый жизненный сценарий китайцев характеризуется вертикальной системой отношений, выстроенной по принципу четкой иерархии «старший – младший». Применение схемы транзакционного анализа Э. Берна в отношении модели коммуникативного поведения китайской языковой личности позволяет выявить наличие так называемого генетического кода, раскрывающего лингвокультурную и прагматическую особенность коммуникативной деятельности китайцев.

Гармоничное существование отдельно взятой личности в социуме в режиме внешней коммуникации и со своим «Я» во внутренней коммуникации присутствует в репертуаре коммуникативного поведения субъекта речи. Лаконичные, тактичные высказывания, чередующиеся логическими паузами, плавная, естественная смена коммуникативных ролей, учет национально-культурных особенностей собеседника обеспечивают ровный ход межкультурного взаимодействия. В данном случае представляется возможным отметить наличие в репертуаре коммуникативного поведения китайцев, по Н.В. Барышникову, позитивной аккомодации — психологического и коммуникативного приспособления к собеседнику, направленного на облегчение достижения полного понимания [Барышников 2010: 15].

Отличительные черты китайской языковой личности, представляющие высокий индекс лингвокультурной адаптации индивида, находят оригинальное воплощение в национальной живописи и архитектуре, отражены в прозе и поэзии, пословицах и поговорках, как то: «В делах будь решительным, в словах осмотрительным», «Человека не узнаешь, не услышав его речей», «Бывает только неправильный путь, но не бывает безвыходного положения» [Брегель 1961: 279-316].

Данные пословицы наилучшим образом отражают отличительные коммуникативные особенности китайской языковой личности, а именно лингвокультурную толерантность, коммуникативную гибкость, когнитивный фонд, благоприятный психоэмоциональный фон.

Проиллюстрируем особенности коммуникативного поведения носителя китайского языка и культуры и сопоставим их с русскими. Совпадение определяет общность лингвокультурной сущности.

Таблица 1

Сопоставление китайских и русских пословиц [Брегель 1961: 279-316]

Китайские пословицы	Русские пословицы
Речи нежные, как колокольчик, а сердце каменное	На языке мед, а в сердце лед
Поспешность губит великие замыслы	Поспешишь — людей насмешит
Проточная вода не гниет	Под лежащий камень вода не течет
Куй железо, пока горячо	Куй железо, пока горячо
Достаток начинается с бережливости	Копейка рубль бережет
Тому, кто приносит пользу другим, платят тем же	За добро — добро

Представляется, что концепция гармоничного соотношения «Инь — Чжун — Ян» в основе речемыслительной деятельности китайской языковой личности (см. рис. 2) обеспечивает высокий индекс коммуникативной адаптации представителя китайского языка и культуры с русским речевым партнером в ситуации межкультурного взаимодействия и, как следствие, — межкультурный альянс речевых партнеров.

Обращаясь к истокам китайской мудрости, отметим, что постулат великого Конфуция, определяющий национально-культурную специфику межличностного общения китайцев: «Уважать всякого человека, как самого себя, и поступать с ним, как мы желаем, чтобы поступали с нами, выше этого нет ничего» через века отразился эхом в высказывании профессора С.Г. Тер-Минасовой: «Будьте терпеливы, уважайте “чужие”, не свои культуры, и жить станет легче и спокойнее. Три “Т” — Терпение, Терпимость, Толерантность — вот формула межкультурной коммуникации» [Тер-Минасова 2008: 348].

Список литературы

Барышников Н.В. 2010. *Профессиональная межкультурная коммуникация*: монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 264 с.

Берн Э. 2003. *Игры, в которые играют люди*. Минск: Попурри. 505 с.

Богин Г.И. 1986. *Типология понимания текста*: учебное пособие. Калинин: Изд-во КГУ. 87 с.

- Брегель Ю.Э. 1961. *Пословицы и поговорки народов Востока*. М.: Издательство восточной литературы. 736 с.
- Леонтович О.А. 2007. *Ведение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие*. М.: Гнозис. 368 с.
- Леонтьев А.А. 1997. *Психология общения*. М.: Смысл. 365 с.
- Маслова В.А. 2001. *Лингвокультурология: учебное пособие для студентов вузов*. М.: ИЦ «Академия». 208 с.
- Морозкина Т.В. 2005. *Коммуникативно-прагматические условия формирования и актуализации рефлексивного дискурса (на материале художественных текстов немецкого и русского языков)*: дис. ... к.филол.н. Ульяновск. 228 с.
- Слобин Д., Грин Дж. 1976. *Психоллингвистика*. М.: Прогресс. 340 с.
- Стернин И.А. 2002. Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация. – *Русское и китайское коммуникативное поведение: сборник*. Воронеж: Истоки. Вып. 1.
- Таранов П.С. 1996. *Философская афористика. Заповеди, притчи, наставления*. М.: Остожье. 575 с.
- Тер-Минасова С.Г. 2008. *Язык и межкультурная коммуникация*. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ. 352 с.
- Фрейд З. 1990. *Психология бессознательного: сборник произведений (сост., науч. ред. М.Г. Ярошевский)*. М.: Просвещение. 448 с.
- Шарков Ф.И. 2002. *Основы теории коммуникации*. – М.: ИД «Социальные отношения»; Изд-во «Перспектива». 245 с.
- Potter S. 1966. *Language in the Modern World*. Penguin Books. 214 p.

MOROZKINA Tat'jana Vladimirovna, *Cand.Sci.(Philol.)*, Associate Professor of Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Stolyetiya Lenina sq., 4, Ulyanovsk, Russia, 432700; tatyana_morozkin@mail.ru)

CORRELATION OF THE LINGUISTIC IDENTITY MODELS IN RUSSIAN AND CHINESE CULTURES

Abstract. The article is an attempt to analyze the most topical problems in the aspect of multicultural communication – it is communication of the representatives of different culture and language groups, namely, persons of the Chinese and Russian cultures. In order to solve the given problem the author suggests to examine the mechanism of the verbal and cogitative activity of the native speakers in every culture paying attention to two communication modes: the external one – communicative and pragmatic space and the internal one – reflective and discourse dimension. The article describes distinctive characteristics of a Chinese culture representative in comparison with a Russian communication partner. Comparing proverbs and sayings of two different languages the author considers the conditions of a successful intercultural communication between Chinese and Russian linguistic identity.

Keywords: model of linguistic identity, localization, reflexive and discourse dimension, communicative and pragmatic space, self-reflect subject, matrix of communicative behavior, cross-cultural alliance
